

Sipko, Jozef

И.А. Крылов - а он и ныне здесь

Новая русистика. 2016, vol. 9, iss. 1, pp. 21-32

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/135674>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

И. А. Крылов — а он и ныне здесь

I. A. Krylov—And He Is Here Now

Йозеф Сипко

(Прешов, Словакия)

[**статья**]

Abstract:

Lingua-centrism is one of the main characteristics of Russian culture. It helps us to identify Russian literature as the main ethno cultural value of Russia. In the paper we present this Russian phenomenon via literary reminiscences taken from fables by Krylov. Based on long-term research of mainly Russian mass media the author analyzes specific linguistic units from the point of view of their actualization in the Post-Soviet era. A certain hierarchy of the expressions given is being created and at the same time we can prove that Krylov's fables, besides others, enable us to record specific socio-communicational models in human society as Krylov's pictures exceed far beyond Russian lingua-culture. The characters of Krylov's fables come to life in present socio-political situation on regular basis which serves as a proof that great writers create supertemporal models of human characters as well as behavioral patterns by their works of art.

Key words:

Krylov; fables; literature; reminiscences; present; actualization; Russia

This contribution is the result of the project implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operational Programme funded by the ERDF.

Введение

Как известно, одним из базисных показателей русской культуры считается ее **литературоцентричность**, в рамках которой в особенности русская классика предлагает всем, кто интересуется Россией и ее базовыми данными, целую систему российских ментальных, духовных, исторических и других судьбоносных показателей. Не случайно именно эпоха русской литературной классики **считается золотым веком русской литературы**. Хотя на первый взгляд данное определение может выглядеть клишированным, но многолетний опыт работы с русским публицистическим текстом однозначно показывает, что **литературные реминисценции** [SUPRUN 1995] являются самыми представительными лингвокультурными единицами в русском языке нашей эпохи, посредством которых дается многообразная оценка современным событиям. В последние годы они получили разные терминологические интерпретации, в числе которых чаще всего функционируют **лингвокультурема** [VOROBJEV 1997] и **прецедентные феномены (тексты)** [KARAULOV 1987]. Именно с точки зрения лингвокультурологической методологии можно более наглядно анализировать данные единицы. В конкретном случае мы обратили внимание на некоторые реминисценции (лингвокультуремы, прецедентные тексты) из **басен И. А. Крылова** и намерены показать, как они функционируют в процессе оценки в первую очередь постсоветской действительности. Поскольку **смыслово-оценочное пространство** языка [ALEFIRENKO 2010] является главным показателем этнокультурной характеристики конкретного народа, то и басни Крылова «включаются» в поиски этих данных.

Когда в товарищах согласия нет...

Указанная в данном подзаголовке крыловская лингвокультурема может показаться наивной, но ее суть решали многие поколения российских мыслителей в прошлые века. Напомним, что уже в «Повести временных лет» говорится о том, что *варяги пришли княжить на Русь*, поскольку там не было *порядка-единства*. Над «неединством Руси» плачет и сам автор (князь Игорь?) «Слова о полку Игореве». Ту же этнокультурную **социально-коммуникативную модель** [SIPKO 2011] отмечают и по-своему решают также другие русские авторы вплоть до наших дней.

Если у отдельных русских писателей крыловских времен находим один базисный мотив (Радищев — *Путешествие...*, Грибоедов — *Горе от ума*, Фонвизин — *Недоросль*), повторяющийся и в наше время, то у Крылова аналогичных актуальных мотивов целый ряд. А некоторые из них существовали еще до публикации басен Крылова. Довольно богатым языковым источником для

ироническо-сатирического изображения российской современности являются те басни Крылова, в которых объектом критики, как и в выше указанном «Слове о полку Игореве», становится **разъединенность России**, конфликты на высшем уровне политической власти и их негативные последствия для страны, которые Крыловым показаны главным образом в басне «Лебедь, рак и щука». Россия в первой половине 1990-ых лет представляла собой страну с многообразными, но в первую очередь политическими противостояниями:

Когда в товарищах согласия нет [OGONEK¹ 1994, 46–47].

Споры и *смута*, как одна из черт русской истории, некоторыми авторами считаются универсальными явлениями в истории России (Пушкин о *русском бунте*). Всякие *лебеди, раки и щуки* тянули русский *воз* в разные стороны в прошлом, но в богатой мере это можно было наблюдать также в эпоху *горбачевской перестройки*, когда многие политики, общественные деятели и журналисты предлагали свои «рецепты» для реформ в стране, но им препятствовали как раз известные крыловские персонажи:

Олицетворением России является тройка — лебедь, рак и щука [LITERATURNAJA GAZETA² 1990, 50].

Выше указанные отрицательные процессы в России усиливаются другими человеческими качествами, которые отмечаются выражениями из той же басни Крылова. Ими критикуются также **бездеятельность, пассивность и лень**, как это было в свое время при строительстве аэропорта в Новосибирске, что отображено словами из концовки названной басни:

Потрачено 50 млрд. рублей, а воз и ныне там [LG 1997, 10].

Одна из очередных проблем нашей современности в России — это часто критикуемая **непродуктивности, а то и продажность судов**. В Словакии высшие представители власти пообещали решать проблемы в юстиции созданием специальной комиссии. Но словацкая общественность настроена пессимистически — так же, как и российские СМИ, которые и в судах видят те же персонажи, что и Крылов:

1 Далее используется сокращение O.

2 Далее используется сокращение LG.

А иск и ныне там [MOSKOVSKIJ KOMSOMOLEC³ 14. 2. 2006].

Удивительно, где только можно найти неподвижный *воз*. На этот раз среди метеорологов. Им тоже «дает» свою оценку великий баснописец Иван Андреевич Крылов, поскольку их работой общественность не всегда довольна:

Прогноз и ныне там [МК 11. 4. 2006].

XIV съезд писателей России, который состоялся в октябре 2013 г., был критикован и потому, что очень мало внимания уделял национальной литературе. На этот раз критика была направлена в первую очередь против руководства российской писательской организации. Этот факт подчеркивался посредством крыловского *воза*, что можно считать определенным парадоксом, поскольку великий писатель «критикует» своих собратьев по перу:

Ничего нового... А воз и ныне там [LG 2013, 43].

Когда проходил аукцион правительственных машин, то надежда на их распродажу не сбылась. Этот факт как будто символизирует неохоту распрощаться с советскими временами, с выгодами, которые были у советской номенклатуры:

А «членовоз» и ныне там [LG 1997, 25–26].

Тематика и ассоциации с крыловским *возом* почти бесконечны. Данной лингвокультуремой можно по сути дела критиковать любую область человеческой деятельности/недеятельности, в которой наблюдаются очевидные недостатки из-за отсутствия сотрудничества, смысла для совместной и хорошо организованной работы, а иногда и лени. Как известно, в наших странах в последние десятилетия стали проводить реформы почти во всех областях жизни. Относительно часто можно слышать о реформах университетского и вузовского образования. Результаты этих реформ заключаются и в такой языковой игре:

А вуз и ныне там (иллюстрацию нашла одна студентка).

3 Далее используется сокращение МК.

А вы друзья как ни садитесь...

Аналогичные образы и мотивы, посредством которых выражается критика разных сторон современной жизни, можно находить также в других баснях Крылова. В особенности это относится к мотивам **разъединенности** и неспособности к совместным действиям, которые показаны также в басне «Квартет», где *мартышка, осел, козел, да косолапый Мишка затеяли сыграть в квартет*. В своей басне Крылов иносказательно критиковал представителей государственной власти, конкретно четыре департамента в начале XIX века, которые не были способны сотрудничать. Хотя есть и другие версии относительно исторического фона басни «Квартет», но ее коммуникативный потенциал функционирует до наших дней. По некоторым сведениям Крылов в ней раскритиковал плохую координацию некоторых командиров российской армии во время сражения при Березине в 1812 г., в результате чего избежал плена и сам Наполеон. Во всяком случае в его баснях находим не только исторические реалии, но также **универсальные архетипы** человеческого поведения. Например, в том же духе слова басни «Квартет» были применены к кандидатам на пост президента России почти четверть века назад, а в более широком контексте это относится к многим другим амбициозным политикам современности:

Мы забыли мудрую басню Крылова про музыкантов, которые как ни садились, но музыки у них не получалось [LITERATURNAJA ROSSIJA 1991, 22].

Басня как жанр содержит в себе кроме определенного **умозаключения** и **смех**. Над многообразными человеческими недостатками современные авторы смеются образно, посредством мнимых и настоящих качеств животных. Крыловские сюжеты, из которых целый ряд заимствован из басен древнегреческого баснописца Эзопа, представляют собой выше указанную социально-коммуникативную модель поведения человека на протяжении всей его истории. Частым объектом критики и смеха являются современные **чиновники**. В свое время они были «убежденными» представителями советской идеологической системы, а в наше время они являются «опорой демократии». Время от времени цитируются их позиции еще из эпохи *строительства социализма и светлого будущего*. В современности те же самые люди, например, бывшие выпускники кафедр научного коммунизма, а также бывшие преподаватели марксизма-ленинизма стоят в первых рядах защитников — западных ценностей. В Словакии некоторые из бывших научных кадров марксизма-ленинизма, которые учились пять лет в СССР, в наше время являются *политологами-экспертами* и регулярно

дают оценку России однозначно с западных позиций. Лучше про них не скажешь, чем словами Крылова из басни «Квартет». В конкретной иллюстрации имеются в виду российские политики постсоветской эпохи, которые вышли из рядов бывшей номенклатуры:

А вы, друзья, как ни садитесь... [LG 1997, 25–26].

Хочется даже добавить — *все в музаканты не годитесь*. Вместо слова *музаканты* можно употребить любое существительное, называющее конкретную в особенности общественно-политическую позицию, например, в нашем случае — *в демократы, депутаты, министры, комментаторы — не годитесь*. Ведь сколько людей занимает посты не по своим способностям и выглядят как *мартышка, осел, козел и Мишка* в позиции музыкантов. Не случайно, что в постсоветскую эпоху образ неспособных общественных и политических деятелей представляет собой широко распространенную тему и не только в России.

Лень и неблагодарность

Мотив сопоставления **лени и трудолюбия** всегда является одним из самых актуальных. В русских публицистических текстах данное противостояние регулярно встречается в образах из басни Крылова «Стрекоза и муравей». В таком сопоставлении ищется дальнейший универсальный архетип человеческого поведения, невзирая на конкретный этнокультурный фон. В человеческом обществе наблюдаем большие отличия в реальной эффективности работы ответственных представителей. В данном случае имеем дело с российскими политиками постсоветских лет:

Кто движет историю — стрекоза или муравей? [LG 1995, 42].

Концовкой из той же басни дается характеристика деятельности неуспешных предприятий. Журналист видит недостатки в работе главных представителей таких фирм, которые сопоставляются с ленивой *стрекозой*. Слова трудолюбивого *муравья*, адресованные ленивой *стрекозе*, находят своего нового адресата именно в «деятельности» таких лиц:

Ты все пела? [LG 1993, 17].

Ленивая *стрекоза*, которая *лето целое пропела*, приходит к муравью, чтобы ее *до вешних дней прокормил и обогрел*. Она представляет собой архетип

легкомыслия и безответственности, как это было, например, в случае с недостаточным снабжением населения продовольствием в конце 1990-ых годов, когда в России был настоящий политический и из него вытекающий социально-экономический кризис именно после *дефолта* 1998 г.:

Стрекоза и суховей [PRAVDA 21. 10. 1999].

В этом отношении интересным кажется замечание Воеводиной [VOJEVODINA 2015], которая анализируя пьесу Островского «Бешенные деньги», дает актуальную характеристику современному русскому человеку и добавляет к этому русскую поговорку:

Русский человек по прежнему верит только в бешенные деньги. У нас укоренилось неверие в силу инициативного труда. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» [LG 2015, 34].

Неблагодарность — очередное качество, которое довольно распространено среди людей. Неблагодарным считается, например, поведение бывшей советской номенклатуры по отношению к простым людям. Данное качество находит свое отображение в басне «Свинья под дубом». Она, *наевшись до сыта, до отвала, у дуба корни подрывать стала*:

Номенклатура, наевшись до отвала [О 1997, 2].

Огня! Кричат — Огня!... и другие мотивы

В баснях Крылова современные публицисты находят типичные черты **русского национального характера**. Из басни «Волк на псарне» заимствованы слова, посредством которых Крылов создал образ национальной борьбы русских против Наполеона в 1812 г. Словами из той же басни показаны фрагменты многих конфликтов после распада СССР (Нагорный Карабах, Чечня, Приднестровье, Прибалтика, Грузия), в результате которых в многих регионах бывшего СССР умирали (умирают) люди. В них отображаются также фрагменты русского характера:

Бегут, иной с дубьем, иной с ружьем. Огня! кричат — Огня! [О 1994, 44–45].

Одно из выступлений бывшего президента России Б. Н. Ельцина, призывавшего своих политических оппонентов к примирению, журналист сравнил

с «мирным» призывом Наполеона к Александру I после взятия французами Москвы в октябре 1812 года. В басне речь идет о призыве *волка*-Наполеона, к которому не может быть никакого доверия и никакого примирения с ним, *как снявши шкуру с него долой*. В конкретном случае автор не верит президенту Ельцину после трагических вооруженных столкновений в Москве 3–4 октября 1993 года, когда погибли сотни людей, главным образом, при Останкинской телебашне и в районе Белого дома. Крыловские слова, приписываемые на этот раз Ельцину, звучат даже саркастически:

Забудем прошлое, уставим общий лад [SOVETSKAJA ROSSIJA
20. 12. 1993].

Русские авторы, изображая многообразные реалии, в целях образной и живой характеристики своей эпохи используют мотивы из басен Крылов без формального предупреждения (кавычки, прямое указание на баснописца и т. д.). С. Куняев [KUNJAJEV 2005], описывая жизнь и творчество русского поэта Н. Клюева, приводит отрывок из его письма, в котором содержится мотив крыловской басни «Лиса и Журавль», где хитрая *лиса* «угощает» своего друга *журавля* из тарелки. Она все съела, а журавлю не осталось ничего. Тот в свою очередь ее угостил из кувшина и тоже все съел и на этот раз ничего не досталось *лисе*. Непонимающие читатели его стихов могут напоминать *журавля*, который ничего не получил:

«Лучшие мои произведения всегда вызывали у разных ученых недоумение и непонимание. Во всем Питере и Москве мои хлыстовские распевцы слушал один Виктор Сергеевич Миролюбов. Зато в народе они живы за красоту, глубину и подлинность. Разные бумажные люди, встречаясь с моим подлинным, уподоблялись журавлю в гостях у лисы: не склевать журавлю каши на блюде. Напоследок я плюнул на всякие ученые указания и верю только любви да солнцу». [KUNJAJEV 2005]

Чрезвычайные события, каким оказался и арест известного российского олигарха М. Б. Ходорковского осенью 2003 года вызывают, как это в подобных случаях бывает, противоречивые суждения и противоположные позиции в отдельных СМИ. Если «Независимая газета» и телеканал НТВ энергично стали на защиту арестованного, то в «Литературной газете» раскритиковали своих коллег, которые, по мнению автора в ЛГ, Ходорковскому «помогли» так, как *медведь крестьянину*, который в басни «Крестьянин и медведь», охраняя

сон своего хозяина, убивает его и муху, которая мешают крестьянину спать. Авторитетным соавтором такой критики стал Крылов в статье под названием:

Медвежья услуга. Непонимание новых реалий сказалось и при телевизионной раскрутке «дела ЮКОСА», заставляя вспомнить дедушку Крылова: «Услужливый дурак, опаснее врага!» [LG 2003, 50–51].

Крылов в словацких ассоциациях

Басни Крылова давно перешли этнокультурную границу России. В Словакии время от времени замечаются крыловские образы с той же прагматической установкой современного автора, что и в российской среде:

Medvedia služba Matice slovenskej svojmu predsedovi. — Медвежья услуга Матицы словацкой своему председателю [VEREJNOSŤ 21. 9. 1991].

В связи с арестом одного сомнительного словацкого «предпринимателя» по фамилии *Крылов* (Krylov) о его допросе писали с насмешкой и благодаря своим «показаниям» был назван *баснописцем* (*bajkárom*) с явным сатирическим замыслом:

Bajkár Krylov stratil hlas — Баснописец Крылов потерял голос [NÁRODNÁ OBRODA 21. 12. 1995].

Крыловские басни во своем большинстве переведены на словацкий язык (J. Štrasser) и благодаря этим переводам имеется возможность приблизить словацкому читателю и крыловские реминисценции из русской прессы. Но многие тонкости и оттенки этнокультурных ассоциаций передаются на язык другой культуры с трудом. Выше приведенный заголовок *Ты все пела?* из басни «Стрекоза и муравей» в переводе Штрассера звучит так:

Ты все пела? Это дело: Vyhrával si? Takto je to...

Так поди же, попляши! Tak si teraz zatancuj!

В словацком переводе оба персонажа крыловской басни передаются существительным в мужском роде — *svrček a travec*. Если в русском языковом сознании, в значительной степени и благодаря Крылову, *стрекоза* ассоциируется с ленью, то в словацкой среде относительно *svrčka* таких ассоциаций нет. С другой

стороны муравей воспринимается как образ трудолюбия и в словацкой культуре — *pracovitý ako mravček* — трудолюбивый как муравей. Относительно нашего примера из русской прессы словацкий перевод содержит другой глагол, что тоже уменьшает крыловские ассоциации в словацкой среде при переводе газетного текста. Поэтому нам кажется, что тут больше подходит буквальный перевод:

Ты все пела... Spievala si...

РАС [KARAULOV 2002] подтверждает живучесть крыловских образов в русской культуре. При некоторых русских существительных в позиции стимулов появляются ассоциации с единицами из басен Крылова:

ВОРОНА — черная, белая, сыр, глупая, и лисица...

ВОЗ — и ныне там, басня Крылова...

ВОЛК — серый, заяц, злой, голодный, тамбовский, Красная Шапочка, и ягненок...

ЗЕРКАЛО — обезьяна, сказка Пушкина, русской революции...

ЛЕБЕДЬ — белый, балет, рак, рак и щука...

ЛИСА — хитрая, воровка, ворона, и кувшин

МЕДВЕДЬ — бурый, косолапый, Иванович...

ОБЕЗЬЯНА — волосатая, рожа, и очки, у зеркала...

РАК — красный, щука, басня Крылова, пятится назад...

СВИНЬЯ — грязная, животное, жирная, толстая, под дубом, неблагодарная, желудь...

В одной из групп наших студентов-русистов мы преднамеренно предложили русские лексемы *окно*, *обезьяна*, *лебедь* и др. в качестве стимулов для ассоциативных тестов. В данной группе были три студентки из русскоговорящей среды. Их ассоциации значительно отличались от ассоциаций студентов-словаков:

ОКНО — в Европу чистое

ОБЕЗЬЯНА — и очки, зеркало некрасивая, прыгает

ЛЕБЕДЬ — щука, и рак птица, белый

В том же РАС антропоним *Крылов* в качестве стимула вызывает следующие реакции:

КРЫЛОВ — басни, писатель, баснописец, бассейн, Квартет, Ворона и Лисица, и стрекоза...

Заключение

Очередной раз подтверждается, что одной из центральных характеристик русской культуры является ее **литературоцентризм**. Д. Кротова [KROTOVA 2015], анализируя творчество В. Шаламова, ссылается на профессора М. М. Голубкова и приводит следующие слова:

*«...именно литературе всегда принадлежала ведущая роль в формировании национальной картины мира, литература несет в себе **генетическую память** нации и именно благодаря литературе человек ощущает себя причастным к событиям национальной истории. Литература во многом **моделирует образ мышления** и поведения человека, внушает представления о должном и недолжном и играет в конечном счете важнейшую роль в формировании этического кодекса личности» [LG 2015, 34].*

Если поверим А. С. Пушкину, что **глаголом** можно жечь сердца людей, то крыловские выражения принадлежат к тем, у которых «самая высокая температура». Наши исследования функционирования русской литературы в современных СМИ полностью подтверждают выше приведенные слова Голубкова. Посредством басен Крылова можно в сжатом виде дать характеристику многочисленным реалиям в современной России и за ее рубежами. В основном это относится к критической оценке вполне конкретных общественно-политических событий и видных деятелей постсоветской России. По сути дела повторяются те же социально-коммуникативные модели, которые словесно оформил великий русский баснописец И. А. Крылов. В наше время, как впрочем и в предыдущие эпохи, они естественным образом актуализируются, поскольку человеческие пороки повторяются во все времена.

Если в теоретических литературоведческих трудах часто встречаемся с характеристикой отдельных писателей на основе **клише** и **штампов**, то анализ функционирования литературных лингвокультурем в живой, в нашем случае публицистической речи, убедительно показывает **силу художественного слова**. Ведь современные журналисты и другие авторы используют литературные и другие лингвокультуремы более менее интуитивно. Тем самым данные единицы представляют русских писателей во своем большинстве **объективно** и расширяют представления об их позициях и настоящей ценности в современной русской культуре. В полной мере это можно отнести к И. А. Крылову, и как показывают наши иллюстрации — *он и ныне здесь*, и, наверное, среди нас он еще долго будет со своими персонафицированными

героями — стрекозой, муравьем, лебедью, раком, щукой, лисой, журавлем, волком, ягненком, Мишкой, ослом, козлом, мартышкой, соловьем, свиней и другими. Ведь у них же навсегда остаются одни и те же черты как ни они садятся...

Библиография:

- ALEFIRENKO, N. F. (2010): *Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoje prostranstvo jazyka*. Moskva.
- KARAULOV, Ju. N. (1987): *Russkij jazyk i jazykovaja ličnost'*. Moskva.
- KARAULOV, Ju. N. (2002): *Russkij asociativnyj slovar'. Tom I. Ot stimula k reakcii. Tom II. Ot reakcii k stimulu*. Moskva.
- KROTOVA, D. (2015): *Svidetel'stvo rasplaty*. Literaturnaja gazeta 2015, 34, s. 5.
- KUNJAJEV, S. (2005): *Predatel'stvo — èto prodaža vdohnoven'ja*. Naš sovremennik 2005, 7, s. 111–146.
- SIPKO, J. (2011): *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie*. Prešov.
- SUPRUN, A. E. (1995): *Tekstovyje reminiscencii kak jazykovoje javlenije*. Voprosy jazykoznanija 1995, 6, s. 17–26.
- VOJEVODINA, T. (2015): *Bešennyje den'gi*. Literaturnaja gazeta 2015, 34, s. 2.
- VOROBYEV, V. V. (1997): *Lingvokul'turologija. Teorija i metody*. Moskva.

Список ежедневных газет, на которые ссылаемся в тексте:

Literaturnaja gazeta, Literaturnaja Rossija, Moskovskij komsomolec, Národná obroda, Naš sovremennik, Ogonek, Pravda, Sovetskaja Rossija, Verejnosť.

Об авторе

Jozef Sipko, University of Prešov,
Faculty of Arts, Institute of Russian Studies
Prešov, Slovakia, jozef.sipko@unipo.sk